

Внешнеполитическая стратегия Республики Корея в рамках «Кэмп-Дэвидского треугольника» в 2023–2025 гг. и интеграция Сеула в «решетчатую» архитектуру безопасности в АТР

Дарья Николаевна Козлова, ИКСА РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: dn.kozlova@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена интеграции Республики Корея в формирующуюся «решетчатую» (*lattice*) архитектуру безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе под эгидой Вашингтона. Основное внимание уделяется институционализации «Кэмп-Дэвидского треугольника» (США, Южная Корея, Япония) как одного из ключевых элементов сети минилатеральных объединений, призванной дополнить традиционную систему двусторонних альянсов («ось и спицы»). Задачи исследования включают: анализ сближения Южной Кореи и Японии вопреки сохраняющимся историческим противоречиям; оценку роли и мотивов Сеула в новой структуре; анализ потенциальной устойчивости «решетчатой» архитектуры; прогнозирование шагов США и их партнеров в регионе. Методологической основой исследования альянсов служит модель «перспектива – угроза», объясняющая готовность государств идти на большие риски и уступки при росте воспринимаемых угроз. Для анализа динамики сотрудничества применяется гипотеза Б. Немета о синергии структурных и ситуативных факторов. Автор статьи приходит к выводу, что устойчивость «Кэмп-Дэвидского треугольника» остается под вопросом из-за нерешенных исторических противоречий и зависимости от ситуативных факторов. Однако особенность новой «решетчатой» архитектуры безопасности заключается в гибкости, которая позволяет ей адаптироваться и переживать периоды спада.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«решетчатая» архитектура безопасности, «Кэмп-Дэвидский треугольник», Индо-Тихоокеанская «четверка», Индо-Тихоокеанская стратегия США, Республика Корея, Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанская стратегия Республики Корея

Введение

В последние десятилетия структура международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) становится все более сложной и многогранной с большим количеством форматов международного сотрудничества и механизмов взаимодействия. Для региона характерна высокая степень цивилизационно-исторической, культурно-религиозной, экономической и политической разнородности. Здесь не работает классическая блоковая дипломатия, успешно применяемая США в Атлантике. В АТР исторически преобладали горизонтальные отношения: «замкнутые и относительно взаимно изолированные “кружки” или очаги интересов безопасности, ни один из которых не был общерегиональным»¹. Во время холодной войны доминировала точка зрения, что в АТР необходим более точечный и адресный подход и нужны другие механизмы политико-дипломатических связей. Г. Снайдер еще в начале 1990-х гг. отмечал, что «за пределами Европы наблюдается большая гибкость, большее число вариантов и большее сходство с многополярной моделью»². «Строительство неких “коллективных” или “многосторонних” систем безопасности, основанных на общем понимании принципов, лежащих в их основе», оказалось в Восточной Азии гораздо более сложной задачей, нежели в Европе³.

В политологии на протяжении десятилетий предпринимались попытки объяснить, почему в АТР не был сформирован альянс, подобный НАТО. А. Фридберг указывает на глубокие исторические разногласия между ключевыми игроками (между Китаем и Японией, Японией и Южной Кореей, Индией и Пакистаном), что затрудняет создание долгосрочных военных союзов и устойчивых альянсов в регионе⁴. Основатель теории наступательного реализма Д. Миршаймер обращает внимание: в Азии у союзников США не было такого общего доминирующего противника, каким в Европе был СССР. Азиатская система изначально была многополярной, альянсы там носили более гибкий и временный характер, а государства стремились избегать долгосрочных обязательств⁵. Другие неореалисты настаивают, что интересы союзников США в Азии уже были надежно обеспечены за счет двусторонних соглашений и создание многостороннего альянса – аналога НАТО не было бы рациональным, поскольку США не могли объединить ресурсы азиатских союзников, чтобы «распределить нагрузку». На это, в частности, указывает В. Ча, говоря о том, что такая стратегия позволяет Вашингтону сохранять контроль над партнерами и избегать обязательств, которые могут возникнуть в рамках многостороннего альянса⁶.

Представители либеральной традиции, в свою очередь, фокусируются на исследовании эффективности при формировании послевоенных альянсов. Дж. Айкенберри предполагает, что в Европе многосторонний союз помогает

1 Богатуров 2002, 270.

2 Snyder 1990, 122.

3 Стрельцов, Д.В. Конфликты в Восточной Азии: в чем отличие от Европы? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 20 января 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/konflikty-v-vostochnoy-azii/> (дата обращения: 16.09.2025).

4 Friedberg 1994.

5 Mearsheimer 2001.

6 Cha 2016, 3.

ведущему государству «запереть другие государства в стабильных и предсказуемых политических координатах, тем самым уменьшая его потребность в использовании принуждения»¹. В Азии же подобные альянсы, напротив, ограничили бы политическую автономию США, поэтому Вашингтон сделал выбор в пользу двусторонних отношений.

К. Хеммер и П. Катценштайн предложили объяснение, основанное на конструктивистском подходе: США не стали создавать аналог НАТО в Азии не только по стратегическим и геополитическим причинам, но и из-за различий в восприятии региональной идентичности и коллективных норм. Европейские государства воспринимали США как «часть Запада» – это были цивилизационно близкие государства с общими ценностями, историей и культурой, что способствовало формированию коллективной идентичности и многостороннего альянса как военного и политического выражения этой идентичности на международной арене. Азиатские же государства, только получившие независимость, не рассматривались в Вашингтоне как близкие и равные. Восприятие азиатских государств как «других» сделало менее вероятным создание многосторонней организации, основанной на равноправном партнерстве. Вместо этого США предпочли систему двусторонних альянсов, где Вашингтон стал центральным игроком².

В 2012 г. представители австралийской научной школы К. Хе и Х. Фэн выдвинули институциональное объяснение того, почему в Азии не появился аналог НАТО. Авторы ввели новый аргумент, основанный на политической психологии, и предложили модель анализа альянсов через соотношение «перспективы и угрозы» (*prospect – threat alliance model*). Опираясь на теорию перспектив Д. Канемана и А. Тверски, К. Хе и Х. Фэн в качестве точки отсчета установили оценку уровня угрозы политиками, которые принимают решения о внешнеполитической стратегии. Иными словами, выбор между двусторонним и многосторонним типами альянса определяется восприятием уровня внешней угрозы среди лидеров и их оценкой вероятных выгод и сопутствующих рисков. При высоком уровне угрозы лидеры, делая ставку на минимизацию потерь, более склонны выбирать многосторонние альянсы. Политики с большей готовностью идут на ограничение свободы своих действий на международной арене, надеясь получить помощь от большего числа союзников. В иных случаях, когда лидеры оценивают степень угрозы как низкую, предпочтение отдается двусторонним альянсам, поскольку политики уверены, что безопасность государства может быть обеспечена и с меньшим количеством союзников. То есть угроза потерять территории, суверенитет или статус-кво является гораздо более сильным стимулом к действию, чем возможность получить аналогичную выгоду. Исходя из этой гипотезы, К. Хе и Х. Фэн объяснили изменения в стратегии альянсов США в Европе и Азии после Второй мировой войны³. Согласно модели «перспектива – угроза», после 1945 г. в Азии США находились в выгодном положении. Эта модель предсказывала, что Вашингтону следует проводить менее рискованную политику, чтобы добиться больших выгод. Однако обострение ситуации после Корейской войны (а затем

1 Ikenberry 2003, 50.

2 Hemmer, Katzenstein 2002, 598.

3 Feng, He 2012, 228.

и Вьетнамской) и изменение баланса угроз вынудило США инициировать создание многостороннего «тихоокеанского пакта», которое все же провалилось из-за отказа потенциальных союзников¹.

Впоследствии на протяжении десятилетий внутренние противоречия в регионе и существенные исторические разногласия между азиатскими государствами не позволяли США выстроить устойчивую многостороннюю структуру безопасности. Именно крепкие двусторонние союзы обеспечивали Вашингтону влияние и контроль над вопросами безопасности и дипломатии в регионе. Тем не менее в последние годы становится видно, что ситуация в АТР радикально меняется. В новых международных условиях система «оси и спиц», на основе которой США выстраивали свою политику в XX в., требует обновления. С точки зрения модели «перспектива – угроза» и с учетом растущей мощи Китая и активизации связей России с КНР и КНДР, США могут рассматривать потенциальные угрозы в Азии иначе (о чем, в частности, свидетельствует новая стратегия безопасности администрации Д. Трампа), а значит – готовы пойти на больший риск и на принятие больших обязательств.

Сами К. Хе и Х. Фэн обратили внимание, что их модель «перспектива – угроза» больше подходит для объяснения изменений в поведении крупных держав, поскольку именно они обычно играют решающую роль в определении структуры и характера альянсов². Тем не менее представляется, что эта модель может быть применима и к объяснению поведения средних держав, в данном случае – Южной Кореи. Она помогает понять, почему трехсторонний альянс США, Республики Корея (РК) и Японии удалось сформировать именно на данном историческом этапе и какие внутривластные факторы в РК позволили это сделать.

Кроме того, возникают вопросы о том, что конкретно было сделано для налаживания непростых отношений РК и Японии; какую роль в новой архитектуре безопасности может играть РК; каковы слабые места этой системы, которые в перспективе могут негативно сказаться на ее устойчивости; какими могут быть следующие шаги США и их союзников и будут ли приняты меры для институционализации нового партнерства. Представляется, что при формировании нового альянса были полностью проигнорированы ключевые национальные интересы РК и исторические противоречия между РК и Японией. РК пошла на значительные уступки, которые спровоцировали проблемы для власти уже во внутренней политике. Что именно Сеул получает взамен и были ли ему предоставлены какие-либо принципиально новые гарантии безопасности?

Анализ этих проблем был проведен на основании базовых документов внешней и военной политики США, РК и Японии, официальных заявлений, концептуальных документов и международных соглашений, а также научных статей, опубликованных за последние полтора года. Кроме того, в статье предложен прогноз о степени устойчивости новой структуры и шагах, которые могут быть сделаны США и их союзниками в регионе. При этом действия Вашингтона и его ключевых партнеров в АТР затрагивают и стратегические интересы России

1 Feng, He, 240–241.

2 Ibid., 228.

на Дальнем Востоке. Прогнозирование ситуации на этом направлении имеет большую актуальность и представляет интерес как в научной, так и в прикладной сфере.

Применение модели «перспектива – угроза» для анализа стратегии средней державы

Роль великой державы в формировании альянса, безусловно, определяющая, но не единственная. Тем более, когда речь идет об асимметричных альянсах, где разница в потенциалах носит «существенный, но не подавляющий характер»¹. К таким альянсам можно отнести и союз США с РК – с учетом возросшего за последние десятилетия потенциала Сеула как одного из крупнейших в мире производителей оружия и военной техники² и значимого стратегического положения Корейского полуострова в АТР. К асимметричным же альянсам относится и сам «Кэмп-Дэвидский треугольник» (США, РК и Япония). При этом стратегия сверхдержавы как в рамках уже состоявшегося альянса, так и при его формировании может сталкиваться с различной степенью сопротивления средних держав, связанного с ростом националистических настроений в обществе и политической элите, сменой правящих сил, возможным обострением отношений между средними державами – союзниками (в данном случае – между РК и Японией).

Международные альянсы можно рассматривать как результат межгосударственного «торга» – компромисса между автономией и безопасностью. Согласно теории Г. Снайдера, государства неизбежно сталкиваются с дилеммой между «вовлечением и дистанцированием»: союзник либо втянет партнера в ненужный конфликт, либо оставит его в одиночестве в кризисной ситуации³. Так, считается, что Южная Корея постоянно балансирует между боязнью остаться без поддержки США перед угрозой с Корейского полуострова и страхом оказаться втянутой в более масштабный конфликт между США и Китаем. По определению Дж. Морроу, устойчивый альянс – это тот, в котором партнеры, даже неравные по силе, посредством торгового баланса смогли обеспечить баланс между своими главными потребностями⁴. Американо-южнокорейский альянс является типичным примером сделки, в которой слабая сторона получает гарантии безопасности и «ядерный зонтик», а сильная – контроль над вооруженными силами союзника, его поддержку в международных институтах и частичное управление его внешней политикой. Однако в своей традиционной формулировке модель компромисса между автономией и безопасностью, предложенная Дж. Морроу в начале 1990-х гг., не всегда способна дать объемную оценку внутриполитическим факторам. Недостаточное освещение получает возможное влияние «слабой» стороны асимметричного альянса на союзнические отношения, особенно в

1 Байков, Истомин 2019, 36.

2 Согласно данным SIPRI, в 2020–2024 гг. Республика Корея вошла в десятку крупнейших экспортеров оружия в мире, а четыре южнокорейских производителя в течение 2024 г. увеличили свои доходы от продажи вооружений на 31 % – до 14,1 млрд долл.

3 Snyder 1990, 113.

4 Morrow 1991, 930.

демократических государствах, которые являются «мягкими протекторатами»¹ и где существенное влияние на внешнеполитическую стратегию оказывают общественное мнение, национальная идентичность, всплески националистических настроений и идеология элиты.

О том, что на современном этапе концепция компромисса между автономией и безопасностью требует интеграции с внутривнутриполитическими переменными, в частности, пишут и южнокорейские исследователи². В случае РК логика уступок в рамках концепции стратегического компромисса «ограничена и опосредована глубоко укоренившимися историческими нарративами о суверенитете, колониальной памяти и антиимперской идентичности, которые стали центральными для многих президентов», особенно представителей Демократической партии³. Так, идея о «стратегической автономии» в том или ином виде нашла отражение во внешнеполитических концепциях Но Му Хена, Мун Чжэ Ина и действующего президента Ли Чжэ Мена. Политические лидеры в РК сталкиваются со сложной ситуацией, пытаясь одновременно следовать внешнеполитической линии США и отвечать на запросы со стороны населения. Это необходимо прежде всего для «внутриполитического выживания» политиков и поддержания внутренней легитимности власти.

Поэтому представляется обоснованным, что применение модели К. Хе и Х. Фэн к анализу внешней политики РК может дать иную перспективу, чтобы увидеть мотивы, стоящие за поведением средних держав при формировании альянсов. При рассмотрении внешней политики Сеула в 2020-х гг. это позволит сформировать более объемный взгляд на то, почему и как оказались отодвинуты в сторону давние исторические разногласия с Японией и стали возможны качественные изменения в трехстороннем сотрудничестве США, РК и Японии.

«Решетчатая» архитектура безопасности в АТР

В XXI в. перед США встает вопрос о необходимости дополнения системы двусторонних союзов в АТР и создания новой более интегрированной и многосторонней сети альянсов. В регионе формируется «решетчатая» или «сетчатая» (*lattice*) архитектура безопасности под эгидой Вашингтона. Под ней в англоязычном дискурсе понимается система безопасности в масштабах макро-региона, состоящая не из одного жестко структурированного и институционально оформленного альянса, как НАТО, а из сети минилатеральных объединений. В АТР такие альянсы во главе с США становятся альтернативой структуры НАТО в Атлантике, но при этом более адаптивной и амортизирующей региональные и исторические различия союзников США. Преимущество «решетчатой» архитектуры безопасности состоит в том, что в этом случае не обязательно заключать какие-либо всеобъемлющие соглашения, основанные на общем консенсусе. Такая система допускает наличие разногласий между союзниками США, которые до определенной стадии возможно игнорировать.

1 И.А. Истомин и А.А. Байков назвали РК «крупнейшим примером современного мягкого протектората». Подробнее см.: Истомин, Байков 2019.

2 Jo, Park 2025.

3 Ibid.

Признавая и понимая внутренние противоречия в регионе, Вашингтон делает ставку на поэтапное наращивание потенциала будущего сотрудничества и активизацию горизонтальных связей и взаимозависимости между союзниками, а также на подготовку общей ценностной базы для создания альянса нового типа. США последовательно выстраивают в АТР сеть международных союзов, таких как *QUAD*, *Asia-Pacific 4* (Япония, РК, Австралия и Новая Зеландия), *AUKUS*. В перспективе ключевым основополагающим элементом этой системы может стать «Кэмп-Дэвидский треугольник» или трехсторонний союз США, РК и Японии, основы которого были заложены в 2021–2023 годах.

Среди исследователей нет единого мнения, как соотносятся на текущем этапе две конструкции: система «оси и спиц» и «решетка». Одни полагают, что с распространением минилатеральных соглашений «решетка» приходит на смену «оси и спицам»¹. Другие уверены (как представляется на данный момент, это более взвешенный подход), что «решетчатая» система лишь дополняет и укрепляет систему «оси и спиц»². Как заявлял Дж. Салливан, советник президента США по национальной безопасности в 2021–2025 гг., во внешней политике Вашингтон переходит к более гибкому и ситуативному подходу, а именно к выстраиванию «сетки» альянсов и созданию более тесных связей между единомышленниками из Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) и Европы³. В эту «решетчатую» архитектуру безопасности с множеством различных объединений в той или иной мере должны быть включены все союзники США в ИТР. Конкретизировал стратегию посол США в Японии Р. Эммануэль, который заявил, что идея Вашингтона заключается в том, чтобы в Индо-Пацифике выйти за рамки традиционной схемы двусторонних договорных альянсов с Вашингтоном в центре и перейти к структуре, в которой американские союзники также будут выстраивать тесные связи друг с другом для противостояния растущей мощи Китая⁴. Стратегия США предполагает, что в этой новой структуре горизонтальные связи между государствами, такими как Япония, Корея и Австралия, через минилатеральные соглашения могут «значительно укрепить потенциал США для противостояния военным вызовам со стороны Китая»⁵.

В среднесрочной перспективе цель состоит в создании минилатеральных партнерств среди единомышленников для решения проблем безопасности, экономического сотрудничества и развития критически важных технологий. В Стратегии США по ИТР 2022 г. «сетка» коалиций упоминается как средство обеспечения свободы и открытости в регионе: его «коллективный потенциал должен быть реализован посредством сети прочных и взаимоусиливающих коалиций», а США будут «поощрять укрепление связей между союзниками и партнерами»⁶.

1 He 2025.

2 Hornat 2023.

3 Jake Sullivan, "2021 Lowy Lecture Jake Sullivan," Lowy Institute, September 11, 2021, accessed September 16, 2025, <https://www.loyyinstitute.org/publications/2021-lowy-lecture-jake-sullivan>.

4 "Tighter U.S.-Japan Alliance Is Unexpected Legacy of Kishida-Biden Era," Nikkei Asia, August 28, 2024, accessed October 4, 2025, <https://asia.nikkei.com/Spotlight/The-Big-Story/Tighter-U.S.-Japan-alliance-is-unexpected-legacy-of-Kishida-Biden-era>.

5 He 2025.

6 "Indo-Pacific Strategy of the United States," The White House, February 2022, accessed January 20, 2026, <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf>. P. 9.

В планах США Индо-Тихоокеанскому региону отводится особая роль. В Стратегии национальной безопасности 2022 г. было заявлено, что именно этот регион будет эпицентром геополитики XXI в., а сами США «жизненно заинтересованы» в создании «свободного и открытого ИТР»¹. В качестве основного оппонента в программных документах закреплён Китай. Задачи США состоят в сдерживании КНР и упрочении своего лидерства в регионе. Ключевой стратегией сдерживания становится создание в ИТР «нового типа партнерств». В Стратегии же второй администрации Д. Трампа внешняя политика подверглась существенному пересмотру, была поставлена задача сделать курс Вашингтона более реалистичным и прагматичным. Д. Трамп рассматривает альянсы через призму транзакций, связывая положения о безопасности с развитием экономики и переформатированием глобальных торговых отношений. Несмотря на декларативный разрыв администрации Д. Трампа с внешнеполитической линией Дж. Байдена, в части об ИТР наблюдается некоторая преемственность со стратегиями предыдущих лет. В частности, заявлено, что «Индо-Тихоокеанский регион уже является и будет оставаться одним из ключевых экономических и геополитических полей сражений XXI века», подтверждена приверженность США «свободному и открытому ИТР». Сам термин «решетчатой» архитектуры безопасности в стратегии Д. Трампа не употребляется – он все же был более популярен в риторике администрации Дж. Байдена. Тем не менее суть сетевой системы альянсов в стратегии в ИТР осталась прежней. Так, в тексте подчеркивается, что Трамп «создает альянсы и укрепляет партнерские отношения в ИТР, которые станут основой безопасности и процветания на долгие годы вперед»². При этом подтверждена необходимость продолжения сотрудничества в рамках одного из минилатеральных объединений в ИТР – *QUAD* (США, Австралия, Япония и Индия).

Роль Республики Корея в этой системе за последнее десятилетие существенно изменилась. Так, еще в 2014 г. она рассматривалась многими экспертами как государство, которое будет балансировать между крупными игроками³. Однако с ростом мощи Китая и усилением противостояния между ключевыми мировыми державами становится ясно, что ни о каком балансе и лавировании речь уже не идет. Индо-Тихоокеанская стратегия Юн Сок Еля является по существу отражением и интерпретацией американской стратегии в ИТР. Одной из целей его президентства стало налаживание горизонтальных коммуникаций со своим соседом и историческим оппонентом – Японией – в первую очередь через активизацию контактов на высоком и высшем уровне и наращивание позитивного взаимодействия.

1 "US National Security Strategy 2022," The White House, October 12, 2022, accessed September 16, 2025, <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/>. P. 37.

2 "National Security Strategy of the United States of America," The White House, November 2025, accessed January 20, 2026, <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>. P. 19.

3 Rozman 2014.

В преддверии Кэмп-Дэвида: первые шаги к углублению сотрудничества

Уже 21 мая 2022 г., всего через десять дней после вступления в должность, президент Юн Сок Ель провел переговоры с Дж. Байденом. Президент США прилетел в Сеул, что, как отмечено в «Белой книге» южнокорейского МИДа, стало «самым быстрым саммитом в истории, организованным после инаугурации президента РК» и «стало проявлением высоких ожиданий американской стороны от президентства Юн Сок Еля»¹. Ожидания действительно были высокими, и можно констатировать, что значительная их часть оправдалась. Сразу после переговоров с Дж. Байденом президент Южной Кореи публично подтвердил «важность углубления трехстороннего сотрудничества между РК, США и Японией <...> для продвижения мира и безопасности»². В «Белой книге» южнокорейской дипломатии за 2022 г. появилась глава, посвященная развитию трехстороннего сотрудничества между РК, США и Японией, а в «Белой книге» по вопросам обороны за тот же год заявлено о стремлении к «укреплению трехстороннего сотрудничества в сфере безопасности между РК, США и Японией»³. Юн Сок Ель пообещал развивать ориентированные на будущее отношения Кореи и Японии, начав с «Совместной декларации Ким – Обути. Эра 2.0»⁴.

Однако со времени декларации Ким Дэ Чжуна и К. Обути условия для нового потепления в отношениях изменились и, как полагают некоторые корейские исследователи, в худшую сторону. Во-первых, поменялся статус РК, которая претендует на более активную роль в международной политике, нежели в конце XX в.; во-вторых, необходимо учитывать неблагоприятные внутривнутриполитические условия (в 2020–2024 гг. у оппозиционной Демократической партии РК был перевес в парламенте, при этом и многие влиятельные политики Либерально-демократической партии Японии были настроены против сближения с Кореей); в-третьих, так и не были разрешены острые исторические вопросы: споры об островных территориях, о корейских «женщинах для утешения» и компенсациях для корейцев, угнанных японцами на принудительные работы; в-четвертых, имеет значение и признаваемый корейскими исследователями рост антияпонских настроений, вызванный прежде всего неспособностью корейских лидеров решить ни одну из перечисленных выше проблем за те 25 лет, что прошли с момента подписания декларации в 1998 году⁵. Все это создавало крайне неблагоприятный общественный фон для улучшения отношений. Напряженность между РК и Японией к моменту прихода к власти кабинета Юн Сок Еля демонстрировал уже тот факт, что полноформатных переговоров (то есть

1 “Global Landscape and Diplomatic Activities 2022 (Diplomatic White Paper),” Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea, December 2023, accessed September 9, 2025, https://www.mofa.go.kr/upload/ebook/2022_whitepaper_en/index.html. P. 56.

2 Ibid., 57.

3 “2022 Defence White Paper,” The Ministry of National Defence, Republic of Korea, accessed September 9, 2025, <https://shorturl.at/zQoM1>. P. 150.

4 Отсылка к Совместной декларации президента РК Ким Дэ Чжуна и премьер-министра Японии К. Обути, опубликованной в 1998 г. Она содержала призыв к отношениям, основанным на взаимопонимании и доверии, и стала вехой в отношениях двух государств.

5 “한일관계 정상화를 위한 차기정부의 대일외교과제 (The Next Government's Diplomatic Tasks Toward Japan for Normalizing Korea-Japan Relations),” The Asan Institute for Policy Studies, April 29, 2022, accessed September 10, 2025, <https://shorturl.at/YpeSo>.

не на полях многосторонних международных мероприятий) между лидерами соседних стран не было уже десять лет¹.

Тем удивительнее та готовность забыть проблемы прошлого и сфокусироваться на будущем, которую продемонстрировали Юн Сок Ель и Ф. Кисида. На полях саммита НАТО в Мадриде уже через полтора месяца после инаугурации корейского президента прошла первая трехсторонняя встреча в верхах². Затем в ноябре политики вновь провели переговоры уже на полях Восточноазиатского саммита в Пномпене. Лидеры договорились усилить расширенное сдерживание в отношении КНДР и в режиме реального времени обмениваться данными предупреждения о ракетном нападении со стороны КНДР, а также запустить диалог между правительствами для развития трехстороннего сотрудничества в сфере передовых технологий, энергетики и цепочек поставок³. Там же в Пномпене было принято «Заявление о трехстороннем партнерстве США, РК и Японии в ИТР» – первая совместная декларация, охватывающая такие вопросы, как безопасность, экономика, технологии, а также региональные и глобальные вызовы. Следующим шагом стало наращивание уже горизонтального двустороннего взаимодействия на уровне лидеров – с подачи, но теперь без непосредственного участия американской стороны. В марте 2023 г. Юн Сок Ель нанес официальный визит в Токио, а в мае Ф. Кисида посетил Сеул в ответ. Непосредственно перед встречей было объявлено об отмене Японией экспортных ограничений для Кореи, отзыве Сеулом жалобы в ВТО в отношении Японии и создании «Корейско-японского фонда партнерства во имя будущего»⁴. Всего за год, предшествовавший знаковому саммиту в Кэмп-Дэвиде, лидеры РК и Японии встретились шесть раз. В выступлениях южнокорейского президента произошла резкая смена риторики. В речи по случаю годовщины движения 1 марта Юн Сок Ель назвал Японию партнером – носителем общих ценностей⁵. 15 августа 2023 г. в годовщину освобождения Кореи от японского господства южнокорейский президент впервые назвал это государство «партнером по сотрудничеству в сфере безопасности и экономики»⁶.

Более того, в рекомендациях, разработанных корейскими экспертами незадолго до саммита в Кэмп-Дэвиде, содержится идея подготовить новую совместную декларацию лидеров двух государств по аналогии с упомянутой декларацией 1998 г., которая закрепила бы видение будущего Южной Кореи и Японии и помогла бы придать новую позитивную динамику их отношениям⁷. Однако

1 Последний на тот момент саммит прошел в Киото между президентом Ли Мен Баком и премьер-министром Е. Нодой в 2011 г. и, как показали последующие годы, привел лишь к дальнейшему росту взаимных претензий.

2 "Global Landscape and Diplomatic Activities 2022 (Diplomatic White Paper)." P. 65.

3 Ibid., 66.

4 Юн Сок Ель приветствует новое начало отношений между Южной Кореей и Японией // Korea.Net. 17 марта 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=230141> (дата обращения: 19.09.2025).

5 "류근일, '윤대통령 '일본은 파트너'... 21세기 수구-쇄국주의와 싸우겠다는 선언 (Ryu Geun-il. President Yoon: 'Japan Is a Partner'... Declaration of Fighting 21st Century Conservatism and Isolationism)," Newdaily, March 2, 2023, accessed September 15, 2025, <https://www.newdaily.co.kr/site/data/html/2023/03/02/2023030200015.html>.

6 "윤대통령 '일본은 우리와 공동이익을 추구하는 파트너', 8.15 경축사에서강조 (President Yoon Emphasized in His Liberation Day Speech: Japan Is a Partner That Pursues Common Interests with Us)," 경경시사FOCUS, August 15, 2023, accessed September 15, 2025, <https://www.yjb0802.com/news/articleView.html?idxno=35768>.

7 "최은미. '윤석열-기시다 한일 정상 서울외교 복원 이후의 한일관계: 의미, 전망, 과제 (Choi Eunmi. "Korea-Japan Relations after the Restoration of Shuttle Diplomacy between Yoon Suk Yeol and Kishida: Meaning, Prospects, and Tasks")," Asan Institute for Policy Studies, July 27, 2023, accessed November 10, 2025, https://asaninst.org/data/file/s1_1/f15af67c43af11afd7a990dc4f32fd2b_0DKa-QYjW_0b8bd39c4f12fdcf7dd5eee3a7420e6b5dc725c8.pdf.

вместо двусторонней декларации менее чем через месяц был принят трехсторонний документ, подписанный лидерами Южной Кореи, Японии и США в Кэмп-Дэвиде.

Вопросы исторической памяти накануне саммита в Кэмп-Дэвиде

О желании южнокорейской стороны наладить отношения с Токио свидетельствуют и решения администрации Юн Сок Еля по самым острым и проблемным аспектам в отношениях с Японией, в частности по вопросам исторической памяти. Особенно это чувствуется в сравнении с действиями предыдущей администрации. Так, в 2018 г. при президентстве Мун Чжэ Ина Верховный суд Кореи постановил, что японские компании *Mitsubishi Heavy Industries* и *Nippon Steel* должны выплатить компенсации корейцам, которые стали жертвами принудительного труда в годы колониального господства Японии. Тогда это решение положило начало новому витку обострения отношений между двумя государствами¹. В 2023 г., уже при администрации Юн Сок Еля и в самый разгар подготовки его визита в Токио, Южная Корея предложила свой вариант урегулирования многолетнего спора: основать общественный фонд (как заявлялось, «за счет добровольных взносов частного сектора»²) для выплаты компенсаций жертвам принудительного труда. Предполагалось, что основными донорами станут компании, прежде всего южнокорейские, получавшие прибыль от восстановления отношений с Японией в 1965 г. Взносы со стороны японских компаний-ответчиков в этом варианте были необязательны. В интерпретации южнокорейских экспертов такой план был представлен не как «разрыв связи с прошлым», а как выражение готовности Сеула двигаться дальше в ситуации, когда сама «Япония вряд ли признает вину, выплатит компенсации и принесет извинения»³. В ходе визита Юн Сок Еля в Токио в марте 2023 г. проблема компенсаций фактически была решена в пользу Японии: президент РК заявил, что Корея «не рассматривает вариант с требованиями о выплате компенсаций» с японской стороны⁴. Правительство Японии в лице главы МИД Е. Хаяси, в свою очередь, лишь поприветствовало этот шаг и подтвердило настрой на всестороннее развитие отношений⁵.

Однако в обществе, причем как корейском, так и японском, инициатива создать фонд из «частных инвестиций» вместо того, чтобы ждать выплат от Японии, была встречена негативно. В Южной Корее 77 % опрошенных заявили, что проблема корейцев – жертв принудительного труда еще не решена. В Японии такую

1 “강제징용 대법원 판결 관련 정부입장 발표문 (Government Statement on the Supreme Court Ruling on Forced Labor),” The Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea, March 7, 2023, accessed September 15, 2025, https://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4076/view.do?seq=369840.

2 Ibid.

3 “강제징용 대법원 판결 관련 해법 발표(2023.3.6) 이후의 한일관계: 전망과 과제 (Korea–Japan Relations after the Announcement of Solution Related to the Supreme Court Ruling on Forced Labor (March 6, 2023): Prospects and Tasks),” The Asan Institute for Policy Studies, March 13, 2023, accessed September 15, 2025, <https://shorturl.at/jbQbe>.

4 Юн Сок Ель приветствует новое начало отношений между Южной Кореей и Японией // Korea.Net. 17 марта 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=230141> (дата обращения: 19.09.2025).

5 Токио приветствует решение Сеула о компенсациях жертвам принудительного труда // ТАСС. 6 марта 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17201675> (дата обращения: 16.09.2025).

точку зрения поддержали 66 % респондентов¹. В академической среде даже исследователи, занимающие примирительные позиции в отношении Японии, признали, что на данном этапе достижение «большой сделки» между Сеулом и Токио по вопросам истории представляется невозможным и предлагаемые решения не выглядят «политически устойчивыми»². Тем не менее в политическом дискурсе на высшем и высоком уровне проблемы прошлого были фактически отодвинуты в сторону ради того, чтобы сосредоточиться на новой главе в отношениях двух государств.

Саммит в Кэмп-Дэвиде: содержание договоренностей

В Кэмп-Дэвиде был сделан большой шаг на пути к созданию полноформатного трехстороннего партнерства в АТР. По итогам встречи лидеров Японии, РК и США были приняты три официальных документа: «Принципы Кэмп-Дэвида», «Дух Кэмп-Дэвида: совместное заявление Японии, РК и США» и «Обязательство о консультациях между Японией, РК и США». В «Принципах» акцент был сделан на идее «свободного и открытого Тихоокеанского региона», ранее зафиксированной в национальных стратегиях США, РК и Японии. Стороны взяли на себя следующие обязательства: оперативно консультироваться друг с другом для координации ответов на региональные вызовы, провокации и угрозы; не реже раза в год проводить встречи лидеров, министров иностранных дел, обороны и советников по национальной безопасности; запустить ежегодный трехсторонний диалог для координации общих действий в ИТР; создать линию прямой связи; каждый год проводить военные учения в море, в воздухе, под водой и в киберпространстве; запустить обмен данными о запусках северокорейских ракет в режиме реального времени. Отдельно было оговорено трехстороннее сотрудничество в сфере передовых технологий, а также по вопросам устойчивости цепочек поставок, особенно полупроводников и аккумуляторов³.

Сам характер договоренностей явно свидетельствовал о том, что в новой структуре Сеул не собирался активно продвигать свою национальную повестку и претендовать на роль источника коренных изменений, который мог бы попытаться сместить фокус внимания нового альянса с Тайваньского пролива, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей на проблемы собственно Корейского полуострова⁴. В принятых документах, безусловно, нашли отражение призывы к «полной денуклеаризации КНДР», отказу Пхеньяна от ядерных и баллистических ракетных программ и заявления о приверженности «объединенному Корейскому полуострову». Однако ничего нового по этому вопросу заявлено не было, как и не были прописаны конкретные шаги, план мероприятий, встреч и консультаций по этой проблеме. Не были подняты и другие острые и важные

1 “윤석열-기시다 한일 정상 서울외교 복원 이후의 한일관계: 의미, 전망, 과제 (Korea-Japan Relations After the Restoration of Shuttle Diplomacy Between Yoon Suk Yeol and Kishida: Meaning, Prospects, and Tasks),” The Asan Institute for Policy Studies, July 27, 2023, accessed September 10, 2025, <https://shorturl.at/3GwAt>.

2 Easley 2022, 64.

3 “The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States,” The White House, August 18, 2023, accessed September 16, 2025, <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/the-spirit-of-camp-david-joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states/>.

4 Парамонов, О.Г. Кэмп-Дэвид и «азиатское НАТО» // Международная жизнь. 23 августа 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/41896> (дата обращения: 16.09.2025).

для РК вопросы: сброс загрязненной воды с АЭС «Фукусима», проблема «женщин для утешения», спорные территории (острова Токто / Такэсима). Гораздо больше внимания в документах было уделено росту китайского влияния, «активной политике» Пекина вблизи Тайваня и в Восточно-Китайском море¹. Именно осуждение действий КНР и борьба с усилением ее влияния стали лейтмотивом встречи в Кэмп-Дэвиде. Впервые в официальных документах стороны указали на Китай как на сторону, которая «препятствует международному порядку, основанному на правилах»².

Теперь Южная Корея, как и Япония, встраивалась в новую архитектуру безопасности в Азии, создаваемую под эгидой США. Как отмечает А.В. Воронцов, в 2023 г. в результате договоренностей, закрепленных в Кэмп-Дэвиде, «на международной арене появилась качественно новая конструкция»; произошел «реальный прорыв в длительном и довольно вялом процессе формирования трехсторонней военно-политической структуры»³. Однако прочность новой структуры вызывает большие сомнения, поскольку ключевые проблемы в отношениях Токио и Сеула были не решены, а просто «заметены под ковер благодаря целенаправленному давлению на союзников со стороны Вашингтона, заинтересованного в повышении действенности этой геополитической конструкции»⁴.

Военное сотрудничество после Кэмп-Дэвида

Уже в декабре 2023 г. США, Япония и РК объявили, что они в полной мере запустили механизм обмена данными о запусках северокорейских ракет в режиме реального времени и совместно разработали план учений на несколько лет⁵. Перед этим были проведены испытания, подтвердившие работоспособность такой схемы обмена информацией. Кроме того, стороны договорились «упорядочить трехсторонние учения и проводить их более систематически и эффективно». Было также заявлено, что США, Япония и РК продолжают развивать сотрудничество для реагирования на региональные вызовы «на Корейском полуострове, в ИТР и за его пределами (курсив мой. – Д.К.)»⁶. Таким образом был еще раз подчеркнут глобальный характер нового партнерства.

В январе 2024 г. США, Япония и РК провели крупные совместные военно-морские учения у южнокорейского острова Чеджудо. Как заявили военные РК, маневры должны были стать «демонстрацией силы против ядерной Северной Кореи»⁷. В апреле 2024 г. три государства провели военно-морские учения уже в спорных водах Восточно-Китайского моря. Эти маневры имели ярко

1 "The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States."

2 Ibid.

3 Воронцов, А.В. Реинкарнация треугольника США – Япония – Южная Корея // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 23 августа 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/konflikty-v-vostochnoy-azii/> (дата обращения: 16.12.2025).

4 Кистанов 2024, 12.

5 "Defense of Japan 2024: Annual White Paper," The Ministry of Defense of Japan, 2024, accessed September 13, 2025, https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/index.html. P. 396.

6 "United States – Japan – Republic of Korea Trilateral Ministerial Joint Press Statement," The US Department of Defense, December 19, 2023, accessed September 13, 2025, <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3621235/>.

7 Kim Tong-hyung, "The US, South Korea and Japan Conduct Naval Drills in a Show of Strength Against North Korea," The Diplomat, January 17, 2024, accessed September 24, 2025, <https://thediplomat.com/2024/01/the-us-south-korea-and-japan-conduct-naval-drills-in-a-show-of-strength-against-north-korea/>.

выраженную антикитайскую направленность и, по официальным заявлениям, были призваны укрепить солидарность партнеров перед лицом «агрессивных военных действий Китая» и лучше подготовить союзников к кризису в регионе¹. В учениях была задействована ударная группа США во главе с атомным авианосцем *Theodore Roosevelt*.

В июне и ноябре 2024 г. к югу от корейского острова Чеджудо прошли совместные учения *Freedom Edge*: скоординированные действия на море, в воздухе и в киберпространстве, направленные на повышение готовности противостоять ракетным и ядерным угрозам со стороны КНДР. В трехдневных маневрах были задействованы вертолетоносец *Isle* и эсминец *Aegis Atago* из состава Морских сил самообороны Японии, американский атомный авианосец *Theodore Roosevelt*, южнокорейский эсминец *Seoae Ryu Seong-ryong*, а также самолеты трех государств. Проведение этих учений тоже было согласовано в Кэмп-Дэвиде и, как заявлялось, выражало волю Вашингтона, Сеула и Токио «содействовать трехстороннему взаимодействию и защищать свободу ради мира и стабильности в ИТР, включая Корейский полуостров»².

В сентябре 2025 г. были проведены масштабные трехсторонние учения *Freedom Edge* в водах к югу от острова Чеджудо. В комитете начальников штабов РК вновь подчеркнули, что учения являются «продолжением усилий по углублению трехстороннего сотрудничества в области безопасности» и стали «ответом на ядерную и ракетную угрозу со стороны КНДР»³. Эти учения стали первыми после прихода к власти Д. Трампа в США и Ли Чжэ Мена в РК. Последний, к слову, неоднократно заявлял о стремлении к диалогу с КНДР и смягчению напряженности на границе, включая намерение восстановить договоренности между РК и КНДР, заключенные в 2018 году⁴. Однако эта риторика, как показало развитие событий, никак не отразилась на реализации плана трехсторонних учений вблизи Корейского полуострова.

Тайваньский вопрос

Изменения после саммита в Кэмп-Дэвиде произошли не только в военной сфере, но и в дипломатической. В документах, принятых лидерами трех государств, был заявлен глобальный характер новой структуры: «Наше партнерство построено не только для наших народов, но и для всего ИТР»⁵. Это неизбежно означает большую вовлеченность союзников США в дела региона, прежде всего в тайваньский вопрос и территориальные споры в Южно-Китайском море. Официальные лица РК все чаще комментируют проблемы, которые раньше часто игнорировали, и делают это явно в антикитайском духе.

1 "US, Japan and South Korea Hold Drills in Disputed Sea as Biden Hosts Leaders of Japan, Philippines," Associated Press, April 12, 2024, accessed September 15, 2025, <https://shorturl.at/RNr4k>.

2 Joon Ha Park, "US, ROK and Japan Kick Off Freedom Edge Drills to Counter North Korean Threats," NK News, June 27, 2024, accessed September 24, 2025, <https://shorturl.at/3CKSl>.

3 Lee Minji, "S. Korea, U.S., Japan Launch Trilateral Freedom Edge Exercise," Yonhap News, September 15, 2025, accessed January 18, 2026, www.en.yna.co.kr/view/AEN20250915002651315?section=search.

4 "李대통령 '9 19 정신 복원할것...北체제 존중, 흡수통일 추구 않겠다' (President Lee: 'I Will Restore the Spirit of September 19... I Will Respect the North Korean Regime and Not Pursue Absorption Unification')," Chosun, September 9, 2025, accessed January 19, 2026, <https://shorturl.at/T8HVF>.

5 "The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States."

Ранее представители РК высказывались крайне уклончиво, говоря лишь о необходимости обеспечения свободы судоходства и разрешении споров в соответствии с международными соглашениями и кодексами поведения. Однако с 2022 г. в политике Сеула в ИТР наметился «отход от стратегической двусмысленности»¹, что было закреплено в Индо-Тихоокеанской стратегии Юн Сок Еля и в кэмп-дэвидских документах. Показательным стал эпизод в Южно-Китайском море в марте 2024 г., когда произошел конфликт между судами береговой охраны КНР и Филиппин. Южнокорейские дипломаты отреагировали однозначно, выразив «глубокую обеспокоенность опасной ситуацией, созданной в результате столкновения китайских и филиппинских судов, и использованием водометов против филиппинских судов»², чем фактически осудили действия китайской стороны. На такую риторику, безусловно, обратил внимание Китай. В МИД КНР призвали Южную Корею «сделать правильный выбор, воздержаться от того, чтобы следовать примеру других и раздувать проблему Южно-Китайского моря», также отметив, что РК «изменила свою осмотрительную и нейтральную позицию, которой придерживалась в течение многих лет»³.

Более резкие высказывания звучат в Сеуле и в отношении тайваньского вопроса. На экспертном уровне высказывается точка зрения, что в случае конфликта в Тайваньском проливе Северная Корея, скорее всего, попытается использовать этот кризис, чтобы «осуществить военную провокацию» против Южной Кореи, а значит проблема безопасности Тайваня непосредственно связана с национальной безопасностью самой Кореи⁴. В апреле 2023 г. Юн Сок Ель заявил, что противоречия вокруг Тайваня – это «не просто вопрос между Китаем и Тайванем, а, как и вопрос Северной Кореи, глобальная проблема», а в случае попыток Пекина изменить статус-кво силой, Южная Корея «вместе с международным сообществом выступит решительно против таких перемен»⁵. Однако опросы, проведенные *Global Taiwan Institute* (организация базируется в Вашингтоне), показывают, что южнокорейцы отнюдь не разделяют такую решимость. Так, если Китай начнет боевые действия против Тайваня, введение экономических санкций против Пекина готовы поддержать 45 % опрошенных, 34 % высказываются за оказание военной помощи Тайваню. Как полагают авторы исследования, такие низкие показатели объясняются страхом Южной Кореи перед ответными санкциями со стороны Китая, нежеланием портить отношения с основным торговым партнером и опасением, что Китай «может потенциально использовать свое влияние на Северную Корею для эскалации напряженности на полуострове»⁶. Да и в целом такие результаты опросов говорят о нежелании жителей Южной Кореи, вопреки заявлениям властей, жертвовать

1 Albert Lee, "How the Camp David Summit Underscores South Korea's Stance on South China Sea," Korea Pro, August 24, 2023, accessed September 16, 2025, <https://shorturl.at/bjpWD>.

2 Yi Wonju, "S. Korea Voices Concerns over Philippine, Chinese Vessels Collision," Yonhap News, March 7, 2024, accessed October 4, 2025, www.en.yna.co.kr/view/AEN20240307005851315.

3 Chen Qingqing, "China Urges S. Korea to Refrain from Hyping Up SCS Issue," Global Times, March 12, 2024, accessed October 5, 2025, www.globaltimes.cn/page/202403/1308673.shtml.

4 Felix Kim, "South Korea's Growing Support for Taiwan Signals Regional Shift," Indo-Pacific Defence Forum, March 26, 2024, accessed September 23, 2025, www.ipdefenseforum.com/2024/03/south-koreas-growing-support-for-taiwan-signals-regional-shift/.

5 Ibid.

6 Timothy Rich, "South Korean Views on Cross-Strait Tensions," Global Taiwan Institute, January 10, 2024, accessed September 23, 2025, www.globaltaiwan.org/2024/01/south-korean-views-on-cross-strait-tensions/.

своими экономическими и другими интересами ради новых союзнических обязательств перед США.

Некоторое смягчение риторики наблюдается в последнее время, уже после прихода к власти Ли Чжэ Мена 4 июня 2025 года. РК стала предпринимать попытки переориентации на более «прагматичную дипломатию». В качестве одной из задач новой администрации было указано «укрепление отношений с четырьмя ключевыми государствами: США, Японией, Китаем и Россией – посредством прагматичной дипломатии, ориентированной на национальные интересы»¹. Ли Чжэ Мен публично заявлял, что хочет улучшить отношения с Пекином для обеспечения мира и стабильности в регионе, и не раз открыто подтверждал принцип «одного Китая», указывая, что Сеул не стремится к противостоянию с Пекином по тайваньскому вопросу².

Помочь восстановить отношения РК с КНР должен был и государственный визит президента Ли Чжэ Мена в Китай 4–7 января 2026 г. по приглашению председателя КНР Си Цзиньпина. Лидеры подписали 15 документов о сотрудничестве. В ходе переговоров Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай и Южная Корея являются важными соседями, которые не могут быть разделены, и выразил готовность работать с Сеулом для стабильного развития двусторонних отношений³. Ли Чжэ Мен публично заявил, что хочет улучшить отношения с Пекином для обеспечения мира и стабильности в регионе⁴. Однако непонятно, насколько долго и эффективно администрация Ли Чжэ Мена сможет придерживаться такой «стратегической автономии». Южная Корея долгое время извлекала выгоду из двойственной позиции в отношении Тайваня, но усиление соперничества КНР и США сужает пространство для маневра в распоряжении РК. Вашингтон ужесточает требования к союзникам в ИТР, и решения Сеула по этому вопросу приобретают как никогда большой вес.

Углубление сотрудничества РК с НАТО

Прослеживается еще одно направление интеграции РК в «решетчатую» систему под эгидой США, а именно укрепление сотрудничества с членами НАТО и, что принципиально важно, повышение уровня и интенсивности контактов между союзниками США в Восточной Азии, с одной стороны, и Североатлантическом альянсом – с другой. В июне 2022 г. Юн Сок Ель стал первым в истории лидером Южной Кореи, который принял участие в саммите НАТО. Тогда никаких прорывных решений не последовало, но стала определенной направленность новой дипломатии южнокорейской администрации. Более того, в стратегической концепции НАТО 2022 г. КНДР упоминалась как угроза альянсу в целом и США в частности⁵. Предполагалось, что развитие политического

1 "Lee Jae Myung Government's Key Diplomatic Tasks View," Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea, September 16, 2025, accessed January 11, 2026, www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322968.

2 Lee Jeong-yeon, "South Korea's Lee Affirms Respect for 'One-China' Principle Ahead of Summit with Xi," Hankyoreh, January 5, 2026, accessed January 11, 2026, www.english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/1238125.html.

3 "Important Neighbors That Cannot Be Moved Away Have a New Starting Point for Pragmatic Co-Op," The Global Times, January 6, 2026, accessed January 16, 2026, www.globaltimes.cn/page/202601/1352381.shtml.

4 Lee Jeong-yeon, "South Korea's Lee Affirms Respect for 'One-China' Principle Ahead of Summit with Xi."

5 "NATO 2022 Strategic Concept," NATO, March 3, 2023, accessed October 2, 2025, www.nato.int/cps/en/natohq/topics_210907.htm.

диалога на высшем уровне с Сеулом может быть использовано для оказания внешнего давления на КНДР.

В июле 2023 г. Юн Сок Ель отправился в Вильнюс, вновь на саммит НАТО. Его итоги были уже гораздо более значимыми. Было принято решение о начале расширенного партнерства с НАТО под названием «Программа индивидуального партнерства» (*ITPP*). Она строится на основе предыдущей программы *IPCP*, действующей с 2012 г., однако новое партнерство предполагает сотрудничество уже не в семи, а в одиннадцати областях, из которых наиболее заметные – борьба с терроризмом и киберзащита. Кроме того, Южную Корею пригласили к участию в Системе сбора и использования боевой информации НАТО (*BICES*)¹. Это участие, вероятно, может быть использовано для новых консультаций с США по ядерной проблематике, предусмотренных в том числе Вашингтонской декларацией.

Кроме того, РК стала рассматриваться как крупный экспортер боеприпасов и вооружений для государств НАТО, чьи запасы после поставок Украине нуждаются в пополнении. В последние четыре года Корея получила возможность зайти на рынок, где раньше практически безраздельно господствовали европейские и американские производители. Особенно интенсивно развивается сотрудничество с Польшей. В июле 2022 г. Сеул и Варшава подписали рамочное соглашение об экспорте оружия. Первоначальная сделка предполагала поставки на 12,4 млрд долл. – это был крупнейший в истории РК контракт на поставку вооружений в зарубежное государство. В Польшу пошли корейские ракетные установки *K239 Chunmoo*, танки *K-2*, самоходные гаубицы *K-9* и самолеты *FA-50*². В апреле 2024 г. стороны подписали соглашение о покупке еще 72 единиц реактивной артиллерии *K239 Chunmoo* (*Нотар-К* в польской версии) и нескольких тысяч тактических управляемых ракет на общую сумму 1,6 млрд долл. Причем большая часть систем будет производиться в самой Польше. В октябре 2024 г. государства договорились организовать в Польше производство южнокорейских управляемых артиллерийских ракет для ракетных систем залпового огня³. Дислокация своего производства в государствах НАТО создает основу для еще более тесного сотрудничества РК с альянсом, а также интеграции и стандартизации продукции ВПК в Индо-Тихоокеанском регионе и в Атлантике.

В июле 2024 г. на саммите НАТО в Вашингтоне Юн Сок Ель уже затронул темы, никак не связанные с безопасностью в Атлантике, а именно развитие сотрудничества России и КНДР. На этой же встрече были обновлены «Руководящие принципы ядерного сдерживания и ядерных операций на Корейском полуострове», о которых уже говорилось ранее. Вместе с этим были закреплены тезисы о том, что безопасность Северной Атлантики и ИТР неразделима, и о востребованности более прочных и институционально закрепленных механизмов сотрудничества, в том числе в многосторонних форматах. В целом за последние пять лет в контексте развития отношений РК и НАТО обращает на себя внимание не только

1 Anthony Crescente, "President Yoon Suk-yeol's Participation in the Vilnius NATO Summit," The Centre for Security, Diplomacy and Strategy, July 13, 2023, accessed October 2, 2025, <https://shorturl.at/kvjyo>.

2 "Korea-Poland Mega Arms Deal Jeopardized by Financial Hurdles," The Korea Times, April 22, 2024, accessed October 2, 2025, www.koreatimes.co.kr/www/nation/2024/09/113_373220.html.

3 В Польше будут производить ракеты для южнокорейских РСЗО НОМАР-К // ТАСС. 2 октября 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22022247> (дата обращения: 02.10.2025).

и не столько выход этого сотрудничества на качественно новый уровень, сколько скорость, с которой эти отношения стали развиваться именно в последние годы. Если раньше Южная Корея отставала от других государств АТР в отдельных аспектах сотрудничества с альянсом, то теперь она догнала тихоокеанских партнеров, а в некоторых сферах даже вышла на передний край.

В. Ча еще четверть века назад писал о том, что некоторые отношения РК строятся по принципу квазиальянсов, в котором две стороны не являются союзниками в институциональном смысле, но имеют третью сторону в качестве общего союзника. «Третьей стороной» для РК выступают США. В 1999 г. В. Ча с помощью гипотезы квазиальянсов объяснял основы выстраивания отношений РК и Японии¹. На текущем этапе по такому же принципу развивается диалог РК и НАТО. Вашингтон играет роль необходимой «третьей стороны», которая участвует как в НАТО, так и в двустороннем альянсе Южной Кореи и США. Тем не менее модель квазиальянсов объясняет основы сотрудничества РК и НАТО, но не раскрывает причины, по которым это сотрудничество получило импульс именно в последние годы.

Пытаясь объяснить это, Б. Немет и С. Ким применяют к РК модель, которая подразумевает акцент на удачную синергию трех структурных и двух ситуативных факторов в развитии сотрудничества². Благоприятными ситуативными факторами для развития диалога РК и НАТО в 2022–2024 гг. стали хорошие личные отношения Дж. Байдена и Юн Сок Ея, а также позитивная политическая среда, под которой Б. Немет и С. Ким понимают прежде всего совпадающий настрой и общие цели политических элит государств НАТО и Южной Кореи на отдельном временном отрезке. Структурные факторы затрагивают уже предыдущий период отношений РК и НАТО – это опыт, накопленный за последние два десятилетия, а также положение дел в макрорегионе.

Первый структурный фактор – это так называемое «сообщество безопасности», которое предполагает уверенность в том, что участники формирующегося альянса в случае возникновения конфликта не будут воевать друг с другом, а урегулируют спорные вопросы другим способом. Второй структурный фактор – ощущение нехватки ресурсов, прежде всего военных, которое сложилось в последние годы у политических элит государств НАТО. Когда игроки считают, что им не хватает определенных ресурсов для достижения своих целей, они надеются, что смягчить эти проблемы поможет развитие сотрудничества. Именно ощущение нехватки ресурсов у государств НАТО после начала конфликта на Украине позволило Сеулу «зайти» на оружейный рынок Европы. Южная Корея стала восприниматься как крупный партнер, способный повысить эффективность санкций и смягчить дефицит боеприпасов. Третий структурный фактор – это наличие опыта сотрудничества. Б. Немет отмечает, что большинство «новых» видов сотрудничества в области безопасности не являются полностью новыми, обычно они основываются на накопленном опыте. Так, взаимодействие РК и НАТО длится почти два десятилетия. Одним из наиболее значимых эпизодов в его развитии стало

1 Cha 1999, 3.

2 Nemeth, Kim 2024.

участие южнокорейских сил в миссии *ISAF* НАТО в Афганистане. Таким образом, именно совокупность этих пяти факторов: хорошие отношения лидеров, благоприятная политическая среда, «сообщество безопасности», нехватка ресурсов и опыт предыдущего сотрудничества – и их совпадение на определенном временном отрезке стали основой для стремительного развития отношений между НАТО и Южной Кореей.

Более того, можно применить модель Б. Немета и к формированию трехстороннего альянса США, РК и Японии, а также к встраиванию РК в систему многосторонних альянсов в АТР. Опыт предыдущих десятилетий и система квазиальянса через США позволили убедить политические элиты РК и Японии в том, что их государства составляют «сообщество безопасности» и вероятность прямого военного конфликта между ними минимальна. Это первый структурный фактор. Кроме того, в последние годы были предприняты существенные усилия для наращивания опыта военного сотрудничества и позитивных взаимодействий, а также были сформированы убеждения политических элит в необходимости объединения ресурсов двух государств, прежде всего оборонных, перед лицом потенциальных противников. Это второй и третий структурные факторы. Из двух ситуативных факторов модели Б. Немета (хорошие личные отношения между лидерами и благоприятная политическая среда) в случае Японии и РК в 2022–2024 гг. имел место лишь первый: во время нахождения у власти администраций Юн Сок Ея и Ф. Кисиды значительная часть политической элиты РК была настроена против сближения с Японией. Во время президентства Юн Сок Ея были предприняты все усилия для культивирования второго фактора – благоприятной политической среды, однако эффект оказался обратным, о чем свидетельствуют как социологические опросы, так и результаты парламентских выборов, а также еще большая поляризация южнокорейской политической элиты. В результате в случае тройственного союза США, РК и Японии синергии всех пяти факторов на данном этапе не возникло, однако был заложен солидный фундамент для того, чтобы благоприятная ситуация могла сложиться в будущем, возможно, уже после окончания президентского срока Д. Трампа.

Углубление контактов по линии НАТО – *IP4*

В последние годы на полях саммита НАТО регулярной практикой стали встречи «Индо-тихоокеанской четверки» (*IP4*), в которую входят РК, Япония, Австралия и Новая Зеландия, что говорит уже об активизации именно многосторонних контактов евроатлантических и индо-тихоокеанских союзников США. Первая такая встреча прошла в Мадриде в 2022 г., затем представители «четверки» встречали в Вильнюсе в 2023 г. и в Вашингтоне в 2024 году. В октябре 2024 г. министры обороны *IP4* впервые присоединились к заседанию глав оборонных ведомств государств НАТО. Было заявлено, что группа собирается для «координации усилий по противодействию общим угрозам». Подчеркивалась необходимость «выработать подход к общим проблемам с партнерами из Индо-Тихоокеанского региона»¹ и «донести мысль о тесной связи транстихоокеанского и трансатлан-

1 Lee Minji, "IP4 Defense Leaders to Meet on Sidelines of Upcoming NATO Meeting," Yonhap News, October 14, 2024, accessed January 22, 2026, www.en.yna.co.kr/view/AEN20241014002800315.

тического театров военных действий, поскольку существует только одна сфера безопасности»¹. С января 2023 г. по май 2024 г. были подписаны «Программы индивидуального партнерства» НАТО со всеми государствами *IP4*².

Впрочем, гаагский саммит НАТО в июне 2025 г. показал определенное замедление в динамике сотрудничества. Новый президент РК Ли Чжэ Мен на встрече в Нидерландах не присутствовал, как и лидеры Японии и Австралии. Из *IP4* на саммите была представлена лишь Новая Зеландия. Отсутствие Ли Чжэ Мена, с одной стороны, объясняется тем, что новый президент лишь в июне 2025 г. вступил в должность. С другой стороны, сами южнокорейские политологи указывали на несвоевременность и вероятную бесперспективность участия азиатских союзников США в саммите НАТО летом 2025 года³. Лидеры *IP4* стремились «избежать дискуссии об увеличении оборонных расходов и дистанцироваться от спорной политики альянса в Европе. Правительства государств *IP4*, по всей видимости, приняли взвешенное решение о том, что неявка предпочтительнее громкой, но потенциально разобщающей встречи»⁴. Тем не менее еще рано делать выводы о снижении уровня сотрудничества РК с НАТО и взаимодействия в рамках *IP4*. Речь идет скорее о временном затишье и переходном периоде из-за смены президента, а также необходимости адаптации к новой транзакционной дипломатии Д. Трампа и выработки новой тактики в отношениях с США. В частности, в том, что касается выделения 5 % ВВП на оборонные нужды.

На данном этапе политическое сближение по линии НАТО – *IP4* пока не привело к эффективному и институциональному партнерству в сфере ОПК, технологий и безопасности. В настоящее время этот формат представляет собой скорее конфигурацию «НАТО + 4», чем оформленное взаимодействие между двумя блоками. Неясно, насколько сами участники заинтересованы в дальнейшей институционализации этих отношений. Однако, отсутствие строгой институционализации минилатеральных объединений в целом отвечает самой логике «решетчатой» архитектуры безопасности, которая не предполагает жестких формальных рамок и многосторонних союзов со строгим уставом по типу НАТО. Т. Уилкинс еще в 2012 г. констатировал, что на международной арене все большее распространение получают союзы, которые не соответствуют по форме классическим альянсам, а представляют собой более «мягкие» объединения, будь то «коалиции желающих», «сообщества безопасности» или «стратегические партнерства»⁵.

Однако на экспертном уровне попытки преодолеть разрыв между заявлениями о намерениях и непосредственной реализацией партнерства НАТО – *IP4* все же предпринимаются и на текущем этапе – при администрациях Д. Трампа и Ли Чжэ Мена. В августе 2025 г. Центр исследований США и Корейский фонд провели первый «Диалог по безопасности в ИТР». По итогам закрытых дискуссий

1 Michael Reiterer, "NATO Summit in The Hague Without IP4 Summit, Korea on Point," June 30, 2025, accessed January 24, 2026, www.koreaponpoint.org/articles/article_detail.php?id=433.

2 Kester Abbott, "Beyond Alignment: Moving the NATO-IP4 Partnership Forward," United States Studies Center, Korea Foundation, December 2025, accessed January 23, 2026, <https://www.ussc.edu.au/beyond-alignment-moving-the-nato-ip4-partnership-forward>. P. 8.

3 Kim Saeme, "Managing Decline? NATO's Uneasy Future After the 2025 Summit," The Asan Institute for Policy Studies, June 30, 2025, accessed September 30, 2025, <https://shorturl.at/Ka9DB>. P. 5.

4 Ibid.

5 Wilkins 2012, 54.

был сформулирован список рекомендаций, в числе которых были следующие пункты: «сосредоточить сотрудничество НАТО – *IP4* в области безопасности на общих, жестких вопросах безопасности, которые соответствуют мандату НАТО»; «развивать более глубокие механизмы координации между государствами *IP4* для <...> достижения ощутимых результатов сотрудничества в области безопасности»; «рассмотреть возможность использования Командования ООН на Корейском полуострове <...> для углубления роли европейских партнеров в индо-тихоокеанском сдерживании, если НАТО и *IP4* обратятся с такой просьбой»; «расширить взаимодействие *IP4* с центрами передового опыта НАТО и рассмотреть возможность создания аналогичных центров в ИТР для усиления регионального сдерживания»¹.

Таким образом, несмотря на некоторый спад в политических контактах на высшем уровне (прежде всего отсутствие трех из четырех лидеров государств *IP4* на саммите НАТО в 2025 г.), сама идея наращивания многостороннего сотрудничества по линии НАТО – *IP4* в сфере безопасности остается на повестке дня. Такой спад в динамике отчасти объясним и с точки зрения теории «перспектива – угроза». Как заявляют сами члены *IP4*, стимулом к активизации и укреплению сотрудничества стала эскалация украинского кризиса в 2022 г.², которая потребовала консолидированного ответа и объединения усилий союзников США в Северной Атлантике и ИТР. С учетом такой трактовки событий партнеры США в ИТР столкнулись с усиленным давлением в связи с тем, что риски по оценкам политиков возросли, результатом и стала активизация сотрудничества на многосторонней основе. Как только оценка рисков изменилась (из-за прихода к власти Д. Трампа, провозгласившего изначально, что закончит украинский конфликт за 100 дней, и возобновления дипломатических контактов России и США), тенденция к дальнейшему укреплению сотрудничества на многосторонней основе ослабла. Однако с учетом упомянутых выше дискуссий в экспертных кругах речь идет скорее о временном замедлении интеграции по линии НАТО – *IP4*, чем об отказе от нее.

Потенциальная устойчивость новых структур

Отношения РК и США, изначально развивавшиеся на основе соглашения 1953 г. как двухсторонний альянс, в последние годы трансформируются в «глобальный всеобъемлющий стратегический союз»³, задачи которого на текущем этапе отнюдь не ограничены обеспечением безопасности РК и защитой ее коренных стратегических интересов. Проблемы безопасности РК и защиты от возможных наступательных действий со стороны КНДР, которые в 1950-х гг. прошлого века и дали импульс возникновению военного союза Сеула и Вашингтона, далеко не единственные. РК становится ключевой частью обновленной макрорегиональной архитектуры безопасности, выстраиваемой в ИТР под эгидой США. Впрочем, возникают сомнения в том, насколько устойчивы будут сама новая структура и роль РК в ней.

1 Kester Abbott, "Beyond Alignment: Moving the NATO-IP4 Partnership Forward." P. 2.

2 Ibid., 2-3.

3 "Global Landscape and Diplomatic Activities 2022 (Diplomatic White Paper)." P. 62.

Новая сетевая архитектура безопасности, с одной стороны, гораздо более сложная и труднорегулируемая, с другой стороны – существенно более гибкая, чем НАТО. При этом она лучшим образом учитывает особенности азиатских союзников США, которые в большей степени, чем европейские партнеры по НАТО, разобщены географически, политически, культурно и экономически: нет общих границ и периметра безопасности, нет общей валюты, нет даже общей истории, религии и культурного кода, на основе которых можно было бы выстраивать альянс, аналогичный НАТО. С этой точки зрения гибкость – это преимущество.

С другой стороны, у формируемого «Кэмп-Дэвидского треугольника» есть слабое место – это так и не разрешенные исторические противоречия в отношениях РК и Японии, которые были фактически проигнорированы: прежде всего, территориальные споры и вопросы исторической памяти, связанные с периодом японского колониального господства. РК пошла на значительные уступки, которые привели к возникновению проблем для власти уже во внутренней политике: недовольство в обществе вызвало предложенное администрацией Юн Сок Еля решение вопроса о компенсациях для корейцев, пострадавших от принудительного труда. Определенную роль сыграла и неготовность Японии совершить ответные «жесты доброй воли»: посещение храма Ясукуни, который считается символом японского милитаризма, членами правительства и ритуальные подношения от властей (в том числе от бывшего премьер-министра Ф. Кисиды, а также действующего главы правительства С. Такаити, когда она была министром) регулярно становились причиной дипломатических противоречий между Сеулом и Токио. Хрупкость нового союза отмечают и многие англоязычные авторы, ссылаясь на непреодолимые сейчас противоречия в исторической сфере и территориальные претензии и вспоминая, что предыдущие периоды «оттепели» в отношениях двух стран неизменно оканчивались неудачей¹.

Возникает также вопрос о том, что именно РК получает взамен. Гарантии защиты со стороны США в случае конфликта с КНДР были прописаны еще в договоре 1953 года. Пока не представляется возможным оценить, какие именно принципиально новые рычаги воздействия может получить Сеул. Трехсторонние учения у берегов Корейского полуострова проводятся регулярно, но насколько они эффективны именно как мера «сдерживания»? Что Южная Корея уже получила, так это бóльшую вовлеченность в проблемы за пределами Корейского полуострова, в том числе в акватории Восточно-Китайского моря. Задача расширения ареала внешней политики РК и превращения ее в «государство, играющее ключевую роль в решении глобальных проблем», была поставлена еще в 2022 г. в программном документе «120 политических задач правительства Юн Сок Еля»². Однако на практике бóльшая вовлеченность привела не к большему влиянию, а к большей зависимости южнокорейской дипломатии от ключевых интересов США, в том числе в принципиальных для Сеула вопросах. Это касается прежде всего возросшей напряженности в отношениях с Китаем – основным торговым партнером РК. Не случайно, что именно РК вскоре после кэмп-дэвидской встречи

1 Ward 2023.

2 “윤석열정부 120대 국정과제 (120 National Tasks of Yoon Suk Yeol Administration),” The Office for Government Policy Coordination, Prime Minister’s Secretariat, July 2022, accessed September 15, 2025, www.opm.go.kr/_res/opm/etc/kukjungfile2022.

в верхах выступила инициатором возобновления саммитов КНР, РК и Японии¹. Хотя очевидно, что в возобновлении таких встреч была заинтересована и Япония, которой в условиях усиления блокового противостояния в АТР так же, как и РК, становится все сложнее поддерживать конструктивные отношения с КНР².

Индо-тихоокеанская стратегия РК на практике становится отражением и региональной интерпретацией стратегии США. Все приходит к ситуации, когда «Штаты должны удерживать Корею, а Корея должна следовать за США»³. Только в этом случае выстраиваемая Вашингтоном архитектура безопасности в Северо-Восточной Азии оказывается работоспособной. Двусторонние альянсы (РК и США, Япония и США) в течение трех поколений показали и доказали свою устойчивость к внутривнутриполитическим и межпартийным перипетиям, долговечность же нового типа многосторонних структур еще стоит проверить. Окажется ли гибкость новой сетевой архитектуры преимуществом или слабостью в средне- и долгосрочной перспективе? Будут ли новые альянсы, не имея жесткой структуры, как у НАТО, обладать хотя бы частью стабильности Североатлантического Альянса? Представляется, что особенность новых структур как раз состоит в отсутствии жесткой институционализации. Сдвиг от формальных структур к «объединениям» и «коалициям» («бракам по расчету», как описывает такие структуры С. Вудман⁴) – это тенденция современных международных отношений не только в АТР, но и во всем мире⁵. Объединения – вместо альянсов. «Коалиции желающих» – вместо союзов.

Цементирующим фактором «Кэмп-Дэвидского треугольника» выступила политическая воля Вашингтона. Импульсом к его созданию стала оценка уровня угрозы, причем как со стороны сверхдержавы (США), так и со стороны «слабых» членов асимметричного союза: РК и Японии. Как отмечает Г.Д. Толорая, усилия США по созданию треугольника с Японией и Южной Кореей направлены «в первую очередь против Китая под предлогом «северокорейской угрозы»», а поводом для таких действий могли стать «растущая активность Китая в Южно-Китайском море, его политика в отношении Японии, Южной Кореи и многолетняя политико-экономическая поддержка КНДР»⁶.

В последние три года, с точки зрения и модели «перспектива – угроза» К. Хе и Х. Фэн, и гипотезы Б. Немета, в АТР сложилась идеальная ситуация для продвижения новой архитектуры безопасности под эгидой США. Государства чувствуют усиление международной напряженности, вследствие чего готовы идти на большие риски и уступки. Это создает благоприятную среду для формирования многосторонних альянсов, в том числе тех, которые ранее были невозможны: РК берет на себя риски нового обострения отношений с КНР и идет на уступки, соглашаясь на заключение соглашений и проведение совместных военных учений

1 В сентябре 2023 г. представители МИД трех государств провели встречу в Сеуле, где поднимался вопрос о возможной встрече лидеров Китая, Южной Кореи и Японии. В ноябре прошла встреча уже на уровне глав МИД и снова на южнокорейской территории, в Пусане. В мае 2024 г. состоялась уже трехсторонняя встреча в верхах, впервые за четыре года. КНР на саммите в Сеуле представлял премьер Госсовета Ли Цян.

2 Крячкина 2024, 219.

3 Fei Xue, "S. Korea Should Not Sacrifice Own Security for US Ambitions by Joining the QUAD," Global Times, March 9, 2023, accessed September 9, 2025, www.globaltimes.cn/page/202303/1286947.shtml.

4 Woodman 1997, 81.

5 Wilkins 2012, 54.

6 Толорая 2025, 51.

с Японией. Однако если структурные факторы, обеспечившие быстрое развитие многостороннего сотрудничества с участием РК, обладают определенной инертностью, то ситуативные меняются быстро: Дж. Байден, Юн Сок Ель и Ф. Кисида уже не у власти, быстро может ослабеть и благоприятная политическая среда.

Развитие и, возможно, само существование минилатеральных объединений нового типа целиком зависит от позиции лиц, находящихся у власти. Многие исследователи высказывают точку зрения, что союз США, РК и Японии так и останется слабо формализованным: сотрудничество в трехстороннем формате будет ограничиваться проектами в отдельных высокотехнологичных отраслях, а в сфере безопасности оно будет сводиться к демонстративным встречам и заявлениям¹. Чтобы система оказалась устойчивой к смене политических лидеров и правящих партий, ей необходимы наращивание потенциала горизонтальных взаимодействий, а также разработка и принятие плана долгосрочного сотрудничества и обязательств сторон. Первые шаги, нацеленные на то, чтобы придать трехстороннему сотрудничеству постоянный характер, были предприняты как раз в 2024–2025 годах. Во-первых, проявилась тенденция к наращиванию позитивных горизонтальных взаимодействий: с 2023 г. было проведено 50 трехсторонних встреч. Во-вторых, началась институционализация трехстороннего формата: в сентябре 2024 г. на полях Генеральной Ассамблеи ООН стороны подтвердили решение о создании секретариата – постоянного института, который будет обеспечивать выполнение решений, достигнутых в ходе саммита. Этот секретариат станет первым за все время постоянно действующим трехсторонним институтом. Ранее ни одного формального трехстороннего органа, объединяющего двух ключевых союзников США в Восточной Азии, не существовало. Кроме того, в июле 2025 г. комитет Палаты представителей США принял законопроект о создании межпарламентского трехстороннего диалога между Южной Кореей, США и Японией в рамках «усилий по углублению сотрудничества в решении общих проблем в ИТР» и «создания постоянных каналов связи и координации между законодательными органами трех государств»². В-третьих, можно предположить, что будут предприняты шаги для активизации трехстороннего сотрудничества, в том числе в сфере противоракетной обороны, морской безопасности и систем раннего оповещения.

Одними из самых важных и сложных целей на среднесрочную перспективу могут стать заключение трехстороннего соглашения о свободной торговле и, как не исключает американский эксперт В. Ча, принятие заявления о коллективной обороне, согласно которому нападение на одного партнера будет считаться нападением на всех³. Однако эти цели, как показал последний год, пока не являются приоритетными для администрации Д. Трампа. В новой оборонной стратегии США, опубликованной в январе 2026 г., значительно смягчен тон в отношении Китая. В ИТР предписывается «поддерживать благоприятный баланс военной мощи» и действовать «не с целью господства, унижения или удушения

1 Волощак 2024, 158.

2 Song Sang-ho, "House Committee Passes Bill to Establish Interparliamentary Dialogue Among S. Korea, U.S., Japan," Yonhap News Agency, July 22, 2025, accessed December 15, 2025, www.en.yna.co.kr/view/AEN20250723003400315.

3 Cha 2024.

Китая». Основная ответственность за сдерживание КНДР и вовсе перекладывается на Южную Корею – «при критически важной, но более ограниченной поддержке со стороны США»¹, что можно интерпретировать (и уже интерпретируется в западных СМИ) как сигнал о скором сокращении численности американских войск на Корейском полуострове².

Большинство южнокорейских политологов на данный момент сходятся во мнении, что в ближайшие два-три года не стоит ждать качественных прорывов именно по линии трехстороннего союза, однако это время можно использовать для укрепления сотрудничества между Сеулом и Токио³. При этом стоит учитывать, что политика РК в отношении Японии все больше превращается в фактор внутрикорейского политического противостояния. Япония становится заложником все большей поляризации властных кругов РК и рассматривается как переменная в межпартийной корейской войне. С учетом частой смены глав правительств в Японии и лидеров РК (два импичмента за последние восемь лет) прогнозирование политики на этом направлении в ближайшие годы будет крайне затруднено.

Тем не менее даже в отсутствие политической воли распад уже сформированных минилатеральных объединений в АТР представляется маловероятным. В этом как раз преимущество «решетчатой» системы: она более адаптивная. Отсутствие жесткой структуры и институционализации позволяет этим объединениям отходить на второй план в те годы, когда государства-участники не готовы выделять ресурсы на развитие и усиление альянсов.

1 "2026 National Defense Strategy," Department of War, January 23, 2026, accessed January 24, 2026, www.media.defense.gov/2026/jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-national-defense-strategy.pdf. P. 3–20.

2 Phil Stewart, and Idrees Ali, "Pentagon Foresees 'More Limited' Role in Deterring North Korea," Reuters, January 24, 2026, accessed January 26, 2026, www.reuters.com/world/us/pentagon-foresees-more-limited-role-deterring-north-korea-2026-01-24/.

3 "2025년 한일관계 3대 리스크 관리 (Managing the Three Major Risks in Korea-Japan Relations in 2025)," East Asia Institute, January 8, 2025, accessed January 12, 2026, https://www.eai.or.kr/new/ko/pub/view.asp?intSeq=22866&board=kor_issuebriefing.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богатуров, А.Д. Среда против лидеров. «Пространственная структура» самоорганизации международных отношений в Восточной Азии // Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений / под ред. А.Д. Богатурова, Н.А. Косолапова, М.А. Хрусталева. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. С. 266–282.
- Bogaturov, Alexey D. "Sreda protiv liderov. 'Prostranstvennaya struktura' samoorganizatsii mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii." In *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnosheniy*, edited by Alexey D. Bogaturov, Nikolay A. Kosolapov, and Mark A. Khrustalev, 266–282. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyy forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, 2002 [In Russian].
- Волощак, В.И. Позиции Республики Корея и Японии по институционализации военно-политического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 150–161. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/150-161>.
- Voloshchak, Valentin I. "Republic of Korea's and Japan's Stance on Defense Cooperation Institutionalization in the Asia Pacific." *Oriental Institute Journal*, no. 3 (2024): 150–161 [In Russian].
- Истомин, И.А., Байков, А.А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 34–48. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48>.
- Istomin, Igor A., and Andrey A. Baykov. "Dynamics of International Alliances in an Unbalanced World Structure." *World Economy and International Relations* 63, no. 1 (2019): 34–48 [In Russian].
- Кистанов, В.О. Треугольник Японии – США – Южная Корея: насколько прочным окажется новый альянс? // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 2. С. 7–20. <https://doi.org/10.31857/S0131281224020018>.
- Kistanov, Valerii O. "Japan – US – South Korea Triangle: How Strong Will the New Alliance Be?" *Far Eastern Affairs*, no. 2 (2024): 7–20 [In Russian].
- Крячкина, Ю.А. Роль и интересы Японии в многосторонних форматах в сфере безопасности в АТР // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 2. С. 204–223. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_2_204.
- Kryachkina, Yuliya A. "Japan's Role and Interests in Multilateral Security Formats in the Asia-Pacific Region." *National Strategy Issues*, no. 2 (2024): 204–223 [In Russian].
- Толорая, Г.Д. Обострение глобального противостояния в Северо-Восточной Азии и проблема геополитических треугольников: роль РФ, Китая и КНДР // Современные проблемы Корейского полуострова. 2025. № 1. С. 44–53. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.86.62.005>.
- Toloraya, Georgiy D. "The Aggravation of Global Confrontation in Northeast Asia and the Problem of Geopolitical 'Triangles': The Role of the Russian Federation, China, and the DPRK." *Korean Peninsula: Current Issues*, no. 1 (2025): 44–53 [In Russian].
- Cha, Victor. *Alignment Despite Antagonism: The US – Korea – Japan Security Triangle*. Palo Alto: Stanford University Press, 1999.
- Cha, Victor. *Powerplay: The Origins of the American Alliance System in Asia*. Princeton: Princeton University Press, 2016.
- Easley, Leif-Eric. "Korean NGOs and Reconciliation with Japan." *Journal of East Asian Studies* 23, no. 1 (2023): 45–70. <https://doi.org/10.1017/jea.2022.21>.
- Friedberg, Aaron L. "Ripe for Rivalry: Prospects for Peace in a Multipolar Asia." *International Security* 18, no. 3 (1994): 5–33. <https://doi.org/10.2307/2539204>.
- He, Kai. "Rethinking East Asian Peace: The Perils of Over-Deterrence and Minilateralism." *Australian Journal of International Affairs* 79, no. 2 (2025): 295–305. <https://doi.org/10.1080/10357718.2025.2459314>.
- He, Kai, and Huiyun Feng. "Why Is There No NATO in Asia? Revisited: Prospect Theory, Balance of Threat, and US Alliance Strategies." *European Journal of International Relations* 18, no. 2 (2012): 227–250. <https://doi.org/10.1177/1354066110377124>.
- Hemmer, Christopher, and Peter J. Katzenstein. "Why Is There No NATO in Asia? Collective Identity, Regionalism, and the Origins of Multilateralism." *International Organization* 56, no. 3 (2002): 575–607. <https://doi.org/10.1162/002081802760199890>.
- Hornat, Jan. "Beyond the Hub and Spokes: The Networking Logic and the Operationalization of US Indo-Pacific Strategy." *Asian Affairs* 54, no. 4 (2023): 647–669. <https://doi.org/10.1080/03068374.2023.2275902>.
- Ikenberry, Gilford J. "State Power and the Institutional Bargain: America's Ambivalent Economic and Security Multilateralism." In *US Hegemony and International Organizations*, edited by Rosemary Foot, Neil MacFarlane, and Michael Mastanduno, 49–70. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Jo, Wooyun, and Hwee-rhak Park. "Autonomy or Security? The Case of the US–South Korea Alliance Under Trump's First Presidency." *East Asia* (2025). <https://doi.org/10.1007/s12140-025-09460-4>.
- Mearsheimer, John J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton & Company, 2001.
- Morrow, James. "Alliances and Asymmetry: An Alternative to the Capability Aggregation Model of Alliance." *American Journal of Political Science* 35, no. 4 (1991): 904–933.
- Nemeth, Bence, and Saeme Kim. "South Korea and NATO: From Unlikely Companions to Key Partners." *International Affairs* 100, no. 2 (2024): 609–629. <https://doi.org/10.1093/ia/iaie007>.
- Rozman, Gilbert. "China – South Korea – U.S. Relations." In *Joint U.S.–Korea Academic Studies*, edited by Gilbert Rozman, 43–54. Princeton: Princeton University, 2014.
- Snyder, Glenn H. "Alliance Theory: A Neorealist First Cut." *Journal of International Affairs* 44, no. 1 (1990): 103–123.
- Ward, Robert. "A Fragile Convergence: The US – Japan – South Korea Camp David Summit." *Survival* 65, no. 5 (2023): 25–36. <https://doi.org/10.1080/00396338.2023.2261241>.
- Wilkins, Tomas S. "'Alignment', Not 'Alliance' – the Shifting Paradigm of International Security Cooperation: Toward a Conceptual Taxonomy of Alignment." *Review of International Studies* 38, no. 1 (2012): 53–76.
- Woodman, Stewart. "Beyond Armageddon? The Shape of Conflict in the Twenty-First Century." In *The New Security Agenda in the Asia-Pacific Region*, edited by Denny Roy, 81–95. London: Palgrave Macmillan, 1997. https://doi.org/10.1007/978-1-349-25701-0_7.

Сведения об авторе

Дарья Николаевна Козлова,

аспирант Института Китая и современной Азии Российской академии наук

117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32

e-mail: dn.kozlova@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 25 ноября 2025.

Переработана: 29 января 2026.

Принята к публикации: 1 февраля 2026.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Козлова, Д.Н. Внешнеполитическая стратегия Республики Корея в рамках «Кэмп-Дэвидского треугольника» в 2023–2025 гг. и интеграция Сеула в «решетчатую» архитектуру безопасности в АТР // *Международная аналитика*. 2026. Том 17 (1). С. 51–78.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2026-17-1-51-78>

The Republic of Korea's Foreign Policy Strategy Within the "Camp David Triangle" in 2023–2025 and Seoul's Integration into the Emerging US-Led "Latticework" Security Architecture in the Asia-Pacific Region

ABSTRACT

The article analyzes the integration of the Republic of Korea into the emerging US-led "latticework" security architecture in the Asia-Pacific region. It focuses on the institutionalization of the "Camp David Triangle" (US–South Korea–Japan) as a key element within a network of minilateral partnerships designed to supplement the traditional "hub-and-spokes" system of bilateral alliances. The article's objectives include: identifying the reasons for the rapprochement between South Korea and Japan despite persistent historical tensions; assessing Seoul's role and motives within the new structure; analyzing the potential sustainability of the "latticework" architecture; and forecasting the next steps for the US and its regional partners. The methodological framework of the study relies on the "prospect – threat" alliance model, which explains a state's willingness to accept greater risks and concessions in response to heightened perceived threats. Bence Nemeth's hypothesis on the synergy of structural and situational factors is also applied to analyze the dynamics of cooperation. As a result, the author concludes that the sustainability of the "Camp David Triangle" remains questionable due to unresolved historical contradictions and its dependence on situational factors. However, a distinctive feature of the new "latticework" security architecture is its flexibility, which allows it to adapt and weather periods of reduced activity.

KEYWORDS

international relations, "latticework" security architecture, Camp David Triangle, US Indo-Pacific strategy, Republic of Korea, Asia-Pacific Four, Indo-Pacific strategy of the Republic of Korea, the Asia-Pacific region

Author

Daria N. Kozlova,

PhD student, Institute of China and Contemporary Asia of the Russia Academy of Sciences
32, Nakhimovsky avenue, Moscow, Russia, 117997

e-mail: dn.kozlova@gmail.com

Additional information

Received: November 25, 2025. Revised: January 29, 2026. Accepted: February 1, 2026.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Kozlova, Daria N. "The Republic of Korea's Foreign Policy Strategy Within the 'Camp David Triangle' in 2023–2025 and Seoul's Integration into the Emerging US-Led 'Latticework' Security Architecture in the Asia-Pacific Region." *Journal of International Analytics* 17, no. 1 (2026): 51–78.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2026-17-1-51-78>